

Статья опубликована в журнале „Ценности и смыслы“ № 2 (11), 2011, 107-120.

Георг Гайзман

И. Кант: дискуссия продолжается (о практической философии И. Канта в трёх томах)

Редакция журнала „Ценности и смыслы“ попросила меня представить мой новый труд о философии Канта. Я с удовольствием выполняю эту просьбу и в этой связи прежде всего хочу поблагодарить моего опытного переводчика Рафаэля Галеева.

Настоящее трёхтомное издание посвящено практической философии Канта и носит программное название «Кант: дискуссия продолжается». Таким образом автор хочет подчеркнуть не только тот обстоятельство, что он вот уже на протяжении десятилетий занимается философией Канта; по его убеждению, исследования философии Канта вообще далеки от завершения. В некотором смысле можно даже утверждать, что они только начинаются. Это в особенности относится к философии права Канта и её месту в рамках философии морали, а также к учению Канта о мире.

Автор настоящего труда Георг Гайзман получил образование в Кёльне, Амстердаме, Париже и Маннгейме - сначала в области экономики, а затем в сфере политических наук. После непродолжительной преподавательской деятельности в Гейдельберге он с 1973 по 1995 годы руководил кафедрой политической философии и теории науки в Мюнхене. Несмотря на то, что за прошедшие десятилетия вышли в свет его статьи о философии Гоббса, Спинозы, Руссо, Фихте, Гегеля и Маркса, в центре его научного внимания находилась философия Канта; ей посвящено большое число его трудов (www.georggeismann.de). Основной интерес при этом он проявлял к разработке принципов, определяющих различные учения Канта; одновременно это требовало как можно более тщательной, основательной и систематической интерпретации текстов Канта.

Три вышеназванных тома, два из которых уже вышли в свет, а третий будет опубликован в 2011 году, охватывают аспекты практической философии Канта: философию морали с её двумя ответвлениями (этикой и философией права), а также примыкающую к этике философию религии и примыкающую к учению о праве философию истории.

Том I

1) Предметом уже первой, насчитывающей более 100 страниц статьи „Нравственность - религия - история“, является (за исключением философии права) именно сфера практической философии во всей её совокупности. Статья начинается с утверждения о том, что всю критическую работу Канта можно рассматривать в качестве совокупности шагов, которые были необходимы для нахождения ответа на единственный вопрос, который имел для Канта абсолютную важность, а именно, на вопрос о моральном предназначении человека.

a) В соответствии с этим в первой главе автор знакомит читателя с моральным законом. Он показывает его развитие и обоснование посредством систематического сравнения с различными ответами, которые были даны на этот вопрос до Канта. Затем он проводит тщательный анализ значения категорического императива и его роли для воли человека.

b) Предметом второй главы является учение Канта о „высшем благе“ в том виде, в котором оно содержится уже в „Критике чистого разума“ и, в особенности, позже в „Критике практического разума“. При этом автор уделяет особое внимание, с одной стороны, тщательной и детальной интерпретации этого учения, а с другой стороны, его взаимно противоположным оценками в научной литературе.

c) Это в полной мере относится и к третьей главе, рассматривающей „Учение о постулатах“ в „Критике практического разума“, которое, в свою очередь, опирается на учение Канта о „высшем благе“. Здесь автор особый упор на знаменитое кантовское „моральное доказательство о существовании бога“, на соотношение зависимости религии от морали и на недоразумения, преследующие это учение Канта и по сей день.

d) Четвёртая и последняя глава посвящена взаимоотношению нравственности, религии и истории. Сначала автор знакомит читателя с основами философии истории Канта в „Критике способности суждения“. Затем автор обращается прежде всего к доказательству того, что философия религии и философия истории занимают в системе Практической философии Канта совершенно независимое друг от друга позиции. Помимо этого речь идёт о роли философии истории в учении Канта о мире.

2) Во второй статье первого тома предпринимается попытка ярче осветить учение Канта о свободе. Две формулировки в „Критике чистого разума“, - одна в разделе „Диалектика“, а другая в „Учении о методах“, - часто рассматриваются как

противоречащие друг другу и поэтому, порой, как принадлежащие различным этапам развития Канта: как совершенно разнородные лоскутки его философской мысли, пришитые друг к другу в интересах публикации вышеупомянутого труда. В главе „Канон“ „Учения о методах“ указывается, что „для практического применения разума“ „вопрос о трансцендентальной свободе можно спокойно оставить вне поля зрения как нерелевантный“ (A 803 = B 831). Эта мысль якобы относится к раннему периоду развития Канта, когда он ещё не пришёл к тому „критическому“ осознанию, которое проявляется позже в разделе „Диалектика“. В этом разделе говорится о том, что понятие практической свободы „основывается“ на трансцендентальной идее свободы и „одновременно“ уничтожается в результате её „устранения“ (A 533/34 = B 561/62).

В действительности же можно без труда определить взаимодополняемость этих двух мыслей. Решающим обстоятельством для адекватного понимания учения Канта о свободе является то, что в данном случае речь идёт не о двух различных понятиях свободы, совместимых друг с другом или же нет. Мы имеем дело с одним и тем же комплексным обстоятельством, которое рассматривается под двумя различными углами зрения. Речь идёт о свободе с теоретической и практической точек зрения, которые подвергаются в этой статье детальному рассмотрению.

Итоговый вывод можно сформулировать следующим образом: если рассматривать свободу с теоретической точки зрения, т. е. если попытаться обосновать её возможность, то невозможно будет обойтись без обращения к трансцендентальной идее, без которой сама свобода просто невысказима. Если же подойти к понятию свободы с чисто практической точки зрения, то можно будет спокойно проигнорировать эту идею: в ней в буквальном смысле этого слова не будет никакой практической необходимости.

3) Третья статья о „Долге и склонности в философии морали Канта“ анализирует обвинение, выдвигаемое со времён Шиллера и Шопенгауэра вплоть до наших дней: учение Канта о морали якобы противопоставляет долг и склонность, разум и чувственность, а именно „добрый“ разум и „злую“ чувственность, царство свободы и царство природы. Этот упрёк основывается на недоразумении в отношении принципов этого учения, раскрытию которых и посвящена третья статья.

4) Четвёртая статья о „Философии морали и эстетике Шиллера и Канта“ продолжает этот разбор сначала в главе „Шиллер за и против Канта“. Затем автор показывает

совпадения и различия между представлениями Шиллера об „эстетическом воспитании человека“ и представлениями Канта о „культуре добродетели“. В приложении к этой статье автор рассматривает четыре различаемых с моральной точки зрения типа действий: законопослушные и противозаконные, каждое из которых в свою очередь может совершаться по долгу или по склонности.

5) Пятая статья показывает, что звучащая со времён Шопенгауэра и Гегеля и вплоть до настоящего времени критика категорического императива как применимой для чего угодно холостой формулы, обусловлена кардинальной ошибкой в интерпретации.

6) Последние 60 страниц первого тома содержат рецензии, в которых автор весьма критически разбирает наиболее значимые публикации по практической философии Канта. Два автора получают в указанных рецензиях очень хорошую оценку: основательная и являющаяся мерилom критика Карлом Альфеусом (Karl Alpheus) критики Канта Максом Шелером (Max Scheler); книга Райнхольда Ашенберга „Десубъективизация человека. Лагеря и Шоа в их философской рефлексии“, Вюрцбург, 2003 г. (Reinhold Aschenberg. „Ent-Subjektivierung des Menschen. Lager und Shoah in philosophischer Reflexion“, Würzburg 2003). Именно благодаря этому эпохальному труду мы получили глубокое и убедительное обоснование тезиса о том, что совершённые нацистской Германией преступления являются беспрецедентными. С полным правом Ашенберг видит эту беспрецедентность не в количественном и/или качественном измерении этих преступлений, а в том, что они представляют собой не находящие аналога преступления против человечества как такового, поскольку они были направлены на уничтожение его человеческой сущности¹.

Том II

1) Так же, как и в Томе I, этот том начинается с обосновывающей всё последующее статьи из 137 страниц.

После краткого определения места Учения о праве в системе Философии морали и значения, которое отводится в ней понятиям „воля“, „произвол“, „свобода“, „действие“ и „максима“, речь переходит к идентификации правовой проблемы как моральной

¹ Идея человеческой сущности подразумевает то, что делает человеческое существо человеком (не в биологическом, а в идейном смысле): свободу действий, и тем самым, дееспособность. В этом смысле право является не эмпирическим, а идейным понятием. Поэтому Канта можно вполне считать „платонистом“.

проблемы особого рода (*sui generis*), систематически отличающейся от этической проблемы. В соответствии с этим определяются, с одной стороны, моральный закон вообще, а, с другой стороны, оба закона, которые являются его обеими составляющими: закон права и этический закон (закон добродетели).

После рассмотрения значения правового принуждения и дееспособности автор подходит к важнейшей и одновременно самой провоцирующей по своему характеру для исследований философии Канта части своей статьи, которая посвящена действительности правового закона. После основательного разбора различных позиций в научной литературе автор приводит свои собственные аргументы, которые позволяют ему сделать вывод о том, что действительность (обязательность) закона права совершенно независима от так называемого „трансцендентального идеализма“, разработанного Кантом в „Критике чистого разума“, и от основывающегося на нём понятия „трансцендентальной свободы“.

На этой основе автор предлагает решение ряда проблем, неминуемо возникающих в рамках разбора практической философии Канта. В заключение автор с учётом предыдущих рассуждений ещё раз останавливается на положении учения о праве в системе философии морали.

2) Вторая статья этого тома показывает, почему, с одной стороны, учение Канта о мире правильно не только в теории, но и применимо на практике; а с другой стороны, учения о мире Фихте, Гегеля и Маркса ошибочны уже в своей теории. Эта статья предоставляет одновременно и первую возможность продемонстрировать реализм политической философии Канта.

3) В третьей статье, посвящённой политическим философиям Спинозы и Канта, автор приходит к выводу, что исходным пунктом, определяющим их различие при необходимости обоснования государства, является либо правовая, либо натуралистическая перспектива; отличающим их друг от друга путём является либо чисто логически-правовой либо эмпирико-онтологический метод; а определяющим их различие результатом - необходимость в государстве либо по правовым либо по естественным причинам. По аналогии с утверждением Канта о том, что для Гоббса (как и для самого Канта) выход из естественного состояния является „необходимым в соответствии с правилам права“, Спиноза мог бы сказать, что этот выход необходим в соответствии с устоями (человеческой) природы.

4) В четвёртой статье рассматривается требование, постоянно предъявляемое в рамках политической философии: а именно, вернуться на позиции до Канта (и Руссо, и Гоббса), а также философии Просвещения, и реанимировать политическую философию Платона и Аристотеля, и основывающегося на ней христианского средневековья - короче говоря, классическое учение о естественном праве. Это обстоятельство послужило автору поводом не только подробнее остановиться на целом ряде недоразумений, искажений и извращений мысли Канта, но и подвергнуть их корректировке.

5) В пятой статье проводится разграничение формального понятия Канта о справедливости от наиболее часто употребляемых материальных понятий и раскрывается неразрывно связанная с ними опасность.

6) Темой шестой статьи является пресловуто знаменитое сочинение Канта о мнимом праве на ложь из-за любви к человеку. Свою задачу автор видит в том, чтобы в рамках разбора соответствующей научной литературы показать принципиальные философско-правовые причины, которые привели Канта к оспариванию такого права.

7) В седьмой статье автор пытается аналогичным образом привести доказательство того, что в силу причин права, - т. е. в принципиальном порядке, - невозможно признать за человеческим эмбрионом статус лица в правовом смысле. Актуальным поводом и рамками этой статьи является международная дискуссия об использующих эмбрионы исследованиях и о преимплантационной диагностике.

8) Восьмая и последняя статья посвящена теме, по-прежнему важной не только для Германии: а именно, анализу антисемитизма из философско-правовой перспективы. Исторической подоплёкой статье служит т. н. Берлинский спор об антисемитизме 1880 г. Его инициатором и последующим предводителем одной из сторон в этом споре был берлинский историк Генрих фон Трайчке (Heinrich von Treitschke). Его противниками были, в первую очередь, его берлинский коллега Теодор Моммзен (Theodor Mommsen) и основатель марбургской школы т. н. неокантианства философ Герман Коэн (Hermann Cohen). Статья призвана показать, что практически-правовой разум капитулировал уже тогда, а не в 1933 г.

Вышеупомянутый спор характеризуется полнейшим отсутствием правосознания у (обеих!) сторон и находится в конце длинной и (вполне) благородной традиции. Она берёт своё начало в объединяющем всех людей „праве естества“ стоического и

христианского происхождения. Эта традиция достигла своего последнего апогея в Просвещении, а именно, в секуляризированном, дедуцированном из чистого разума варианте. Своё завершение эта традиция нашла теперь уже в представлениях о праве, отчасти снова религиозного, но, прежде всего, сначала (культурно)-националистического, а затем расистского характера. Тем самым была окончательно сдана позиция, которой до тех пор строго придерживалась и которую не подвергала сомнению следующая традиция - а именно, идея универсального, действительного для всех людей права. Развитие западной правовой мысли, которая несмотря на многие заблуждения, по-прежнему оставалась таковой, завершилось, не достигнув своей цели. Этот спор является вехой на пути, ужасающим завершением которого стало полное искоренение голоса права и человечности в Германии.

9) Этот том заключает критическая рецензия четырёх значительных трудов о философии права Канта.

Том III

Философия права (в качестве учения о возможном сообществе свободных существ) представляет собой учение о мире, а в её систематической окончательной сумме - учение о всеобщем мире. Именно этой философии права в её совокупности и посвящён III-й и последний том издания „Кант: дискуссия продолжается“. При этом он, конечно, ограничивается разработкой принципов с тем, чтобы сделать более понятной и доступной эту обоснованную и консистентную систему.

А. Поскольку люди неизбежно взаимодействуют друг с другом в пространственно-временном сообществе и в силу своей природы должны взаимодействовать друг с другом, они могут в любой момент попасть в такую конфликтную ситуацию друг с другом, которая исключает достижение всех преследуемых целей. В таком случае возникает вопрос о праве на разрешённое использование внешней свободы.

Понятие этого права вообще аналитически вытекает из понятия (внешней) свободы во внешних взаимоотношениях людей. Поскольку эта свобода, понимаемая как независимость от принуждающего произвола со стороны других, может быть осмыслена без внутренних противоречий только как свобода, которая в силу законной необходимости соответствует внешней свободе всех остальных. Эта свобода в какой-

либо узаконенности не нуждается; наоборот, в качестве естественного права человеческой сущности она представляет собой фундамент любой узаконенности.

Идея подобного универсального и свободного от противоречий определения внешних сфер всеобщей свободы всех посредством разума является не чем иным, как идеей всеобщего закона права, согласно которому разрешено любое использование внешней свободы, способное (формально) устоять вместе со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом свободы. Закон такого ограничения внешней свободы является законом свободы как таковой. Любой другой закон, ограничивающий (и материальное) использование свободы относительно возможного *целевого* назначения, стал бы всеобщим (противоречащим разуму) законом возможного уничтожения именно этой свободы как способности действовать (по своему) усмотрению. Граница такого усмотрения в отношении права как системы правил (целенаправленных) действий вообще проходит только там, где действие как таковое ставится под вопрос.

Что же касается собственной свободы, то из всеобщего закона права вытекает право человеческой сущности в лице каждого в отдельности. Это первоначальное право, поскольку оно принадлежит человеку в силу самой его человеческой сущности и, тем самым, является чисто рациональным источником и основанием действия любого частного и публичного права. Кант называет это право «прирождённым», так как им обладает от природы каждый человек вне зависимости от какого-либо правового акта. Благодаря этому праву человек становится лицом в правовом смысле и, тем самым, потенциальным носителем (подлежащих ещё получению) прав.

С правом человеческой сущности неразрывно связаны три правовые обязанности:

- 1) Это право можно, во-первых, осмыслить таким образом, что его носитель (лицо как субъект права) никоим образом не находится в чьём-либо распоряжении, даже в своем собственном. Таким образом исключается любое правовое действие, в результате которого человек стал бы простым инструментом в руках другого. Отречение от статуса лица в юридическом смысле (подразумевающее обязательное наличие отрекающегося в качестве юридического лица) противоречило бы как правовой акт самому себе и было бы, тем самым, недействительным.
- 2) Вторая, обусловленная правом человеческой сущности правовая обязанность связана с правом других людей. Нельзя нарушать права других, поэтому необходимо

таким образом ограничить свою собственную внешнюю свободу, чтобы она согласно всеобщему закону могла сосуществовать со внешней свободой всех остальных.

3) Третья, взаимосвязанная с правом человеческой сущности правовая обязанность, относится к обоюдно-универсальному взаимоотношению людей. Внутренняя правовая обязанность по отношению к самому себе не позволяет человеку превращать себя в простой инструмент в руках других, т. е. она означает утверждение себя в качестве лица в юридическом смысле. Внешняя правовая обязанность по отношению к другим требует ограничения собственной свободы сообразно праву других. Но до тех пор, пока все остальные со своей стороны точно также не выполняют эту правовую обязанность, нельзя исключить возникновения такой ситуации, которая более или менее препятствует исполнению внутренней правовой обязанности. Тем самым на каждого возлагается дополнительная обязанность по достижению вместе со всеми такого (публично-правового) состояния, при котором в интересах соблюдения права человеческой сущности в лице любого и каждого обеспечивается исполнение каждым своей внешней обязанности.

Б. Предметом второй главы является прежде всего обусловленная правом человеческой сущности возможность приобретения внешнего Моего и Твоего (частной собственности) и обладания им. При этом в который раз возникает необходимость создания публично-правового состояния (государства), так как только таким образом частное право, которое в противном случае было бы временным, может стать гарантированным правом.

С. Здесь автор подходит к основной главе книги, предметом которой является публичное право в его совокупности, т. е. государственное право, международное и всемирно-гражданское (космополитическое) право.

I. Государственное право

1) Со ссылкой на идею естественного состояния право человеческой сущности раскрывается как право человека на государство и одновременно как корреспондирующая правовая обязанность. В качестве прирождённого права оно представляет собой ось, вокруг которой вращается правовое учение Канта от начала до конца. Это необходимое и одновременно достаточное условие возможности любого частного и публичного права.

Как и в своё время Томас Гоббс, Кант также приходит к выводу о том, что состояние естественного права человеческой сущности на определяемую всеобщим законодательством внешнюю свободу (естественное состояние) является внутренне противоречивым правовым состоянием, т. е. состоянием возможной обоюдно-универсальной правовой спорности. Даже в случае идеальной добродетели и законопослушания людей никто и никогда в подобном состоянии внешней беззаконной свободы не был бы защищён правом от насилия, т. к. в этом состоянии права каждого зависят лишь от его личного решения о том, являются ли его действия правомочными. Таким образом, в естественном состоянии каждый по закону является сам себе судьёй. Это, в свою очередь, означает, что любое правовое решение какого бы то ни было лица может в любой момент вступить в любое противоречие с любым правовым решением какого бы то ни было другого лица при отсутствии компетентного судьи, т. е. при совершенной невозможности принятия решения, обязательного в правовом плане для каждого. Характерным признаком естественного состояния является не непрерывный правовой конфликт, а принципиальная невозможность решения в случае настоящего правового спора, т. е. там, где право вообще могло и должно было бы выполнить свою функцию. Естественное право (навечно) является немирным состоянием не потому, что человеку присуща естественная склонность к конфликтам, а потому, что у него всегда (могут) возникнуть правовые причины для конфликта, который совершенно невозможно будет разрешить правовым путём. Право, которым люди обладают от природы, в состоянии, в котором они находятся от природы, является бессильным. Состояние мира как гарантированного права всех и каждого не заложено, таким образом, уже в самом естественном сообществе людей и не подлежит только лишь поддержанию. Напротив, естественное состояние человечества означает принципиальное и, тем самым, неупраздняемое отсутствие гарантированного правового мира. Таким образом раскрывается постоянно искажаемый смысл речи о войне всех против каждого: эта речь подразумевает не совершение актуальных физических действий, а наличие или отсутствие правового мира. Именно в этом и только в этом правовом смысле естественное состояние человечества является состоянием всеобщей и вечной по своей природе войны.

Кант понимает естественное состояние в качестве чистой идеи разума, которой он с помощью также независимой от какого бы то ни было опыта идеи первоначального

договора (contrat social) противопоставляет идею согласуемой с правом человеческой сущности конституции, а также соответствующий ей идеал республики в качестве вечной нормы.

Но из права человеческой сущности на определяемую законом внешнюю свободу не обязательно вытекает и право на господство над другим человеком. Такое право должно быть сначала предоставлено с согласия того лица, над которым предполагается осуществлять господство. С правовой точки зрения господство возможно только лишь как согласованное в договорном порядке. Поэтому переход к государственному состоянию, ставшему необходимым в силу самого права человеческой сущности, и связанное с этим подчинение публично-правовому законодательству посредством всеобщего силового принуждения возможны (по идее) только лишь на основе согласованного всеобщим договором всеобщего подчинения всеобщей законодательной воле, которая необходимо включает в себя и, по возможности, собственную волю. Только таким образом законодательная зависимость в силу подобного подчинения, которая является прямым результатом собственной законодательной воли, не только не уязвляет собственную свободу, а, наоборот, вообще гарантирует её. Государство имеет право на осуществление господства, т. е. на ограничение внешней свободы своих подданных, именно настолько, насколько это ограничение в любое время может быть осмыслено этими же подданными как свободно желаемое. Социальный договор содержит не что иное, как необходимые условия ограничения и обеспечения внешней свободы всех и каждого посредством всеобщего законодательства.

Мыслима только одна-единственная воля, которой не может не обладать любое практическое (способное к действию на основе поставленных целей) разумное существо: а именно, воля действовать, руководствуясь своими собственными целями, независимо от принуждающего произвола других. Это обязательно всеобщая воля, лежащая в основе социального договора и полностью определяющая его содержание, нацелена на ограничение свободы каждого до пределов тех (и только таких) условий, в которых каждый может обязательно обладать внешней свободой, т. е. условий реализации права человеческой сущности.

Тем самым этот договор содержит принцип узаконенного господства. В соответствии с этим право осуществления государственного господства ограничено созданием

условий, необходимых для того, чтобы каждый человек в законодательном порядке был бы свободен от воли любого другого человека. Для осуществления всеобщего принуждения не имеет, таким образом, никакого значения, какими (собственными) целями обусловлены действия людей, а только то, что они вообще в состоянии действовать (целенаправленно).

2) Эти выводы позволяют перейти к разработке принципов чистой республики в качестве (единственного полностью узаконенного) разумного государства свободы.

а) В основе его конституции априорно лежат три принципа, вытекающие из идеи права человеческой сущности по отношению к государству, т. е. из идеи социального договора. Соответствующая им триада прирождённых и неотъемлемых основных прав на свободу, равенство и участие в законодательном процессе вытекает из трёх правоотношений, которые следует различать в условиях социального договора: во-первых, взаимоотношения каждого в отдельности с государством; во-вторых, взаимоотношения всех и каждого между собой; и, в-третьих, взаимоотношения первых двух взаимоотношений между собой. С целью реализации обоих основных прав вкупе с волей всех и посредством подчинения второго основного права первому из последнего взаимоотношения вытекает третье основное право.

а1) Основное право свободы означает: любой человек в государстве имеет право на действие и бездействие, даже если это вредит другим; он имеет право стремиться к счастью по своему усмотрению при условии, что его действия не противоречат возможности использования свободы в общезаконодательном порядке.

а2) Согласно второму основному праву все граждане государства равны между собой в правовом смысле в качестве подданных. Это означает не только то, что каждый человек вместе со всеми остальными равным образом подчиняется законам государства и получает таким образом в свои руки принудительное право против другого. Кроме того и, прежде всего, это означает, что все и каждый уравниваются в правах на основании законов государства.

Это основное право носит непосредственно только негативный (и в настоящее время почти что тривиальный) характер, так как прирождённые и, тем самым, не обоснованные законами свободы всякого рода привилегии и дискриминация совершенно исключаются как невозможные с правовой точки зрения. Это означает также (и в особенности), что каждый человек может добиться по праву любого права в

государстве и достичь любой ступени в нём при условии, что этим он обязан исключительно своему таланту, усердию и везению. Тем самым это основное право приобретает в отношении своего обеспечения опосредованно в качестве регулятива также и позитивное (и нисколько не тривиальное сегодня) значение: государство обязано в публично-правовом порядке позаботиться о том, чтобы плоды таланта и усердия не были бы сведены на нет господствующими в этом государстве де факто условиями. Это основное право никоим образом не исчерпывается равенством, согласно которому как бездомный, так и президент крупного банка имеют одинаковое право ночевать под мостом. Здесь необходимо социально-государственное регулирование, с тем чтобы благодаря, например, воспитанию, здравоохранению и условиям жизни любой гражданин мог бы быть в состоянии действительно достичь позиций, возможность которых гарантируется правом.

а3) Так как все законы в государстве должны возникать из состояния свободы подчинённых им граждан, то волеизъявление в политической действительности может быть осмыслено в правовом смысле только как всеобщая (объединённая) воля народа. Любой член общества имеет равное основное право на участие в формировании этой воли посредством голосования в качестве созаконодателя. Только единство воли всех и каждого является залогом того, что правовое равенство, гарантированное в государстве посредством его публичных законов по обеспечению права, подчиняется примату правовой свободы: подчинение только тем внешним законам, на которые можно было бы дать своё согласие.

б) Учение Канта о дифференциации государственной власти на три подвида власти и об их необходимой взаимной независимости (разделении) не имеет ни чисто прагматического обоснования, ни скорее произвольной логической аналогии. Напротив, согласно чисто правовым принципам оно со всей необходимостью вытекает из понятия государства как такового.

«Государство в идее» представляет собой массу людей, объединённую в единство всеобщей воли с тем, чтобы придать действенность понятию права, т. е. в целях всеобщего законодательного обеспечения внешней свободы всех и каждого.

В соответствии с этим, осуществление публичной власти и, тем самым, реализация права происходит трижды: во-первых, законодательной властью, которая устанавливает общее правило, а именно, ограничивающий внешнюю свободу каждого закон; во-

вторых, исполнительной (принудительной) властью, которая следит за исполнением этого правила, т. е. ограничивает в соответствии с законом внешнюю свободу каждого; в-третьих, судебной властью, которая подводит под правило результат юридической квалификации, т. е. решает, соответствует ли праву использование внешней свободы в том или ином случае.

В той мере, в какой эти три власти взаимодополняют друг друга в интересах полного государственного устройства, они объединены в представляющий весь народ суверен. Но одновременно исполнительная и судебная власти подчинены законодательной власти (как высшей власти в государстве) в том смысле, что стремление каждой из них подчинено воле последней. Хотя каждая из них и руководствуется своими собственными принципами и, тем самым, является независимой в качестве юридического лица с собственной волей. Но их легитимность полностью зависит от легитимности законодательной власти и их исключительной ориентации на поставленные ею цели.

Государственное устройство, в котором во всех проявлениях государственной воли, т. е. в любой форме исполнения государственной власти, представлена объединённая в социальном договоре всеобщая воля и которое Кант поэтому именует республиканским, является по его убеждению единственным правомочным устройством, т. к. оно основывается на духе всеобщей воли народа, а не на какой-либо частной воле. Но так как каждая из властей в отдельности может представлять общую волю только в том случае, если они отделены друг от друга, становится понятным (и на этом автор останавливается подробно), почему Кант считает, что республиканизм, представительство и разделение власти хотя и не являются идентичными, но, тем не менее, неразрывно связаны друг с другом.

С) В трёх следующих главах, посвящённых государственному праву, автор останавливается на учении Канта об уголовном праве, на проблеме права на сопротивление государственной власти и на вопросе о том, имеет ли республиканское государство право брать на себя выполнение социально-государственных задач или оно даже обязано их выполнять.

II. Государственное право

Предметом государственного права (которому в книге отводится значительное место) являются условия возможности правового сообщества независимых друг от друга и суверенных таким образом государств. Состояние международного мира возможно только в случае правового объединения всех государств планеты в одну-единственную мировую республику. Однако, для ответа на вопрос, каким образом можно добиться такого состояния всеобщего и гарантированного мира в условиях исторической действительности в соответствии с принципами права, крайне важно то обстоятельство, что отдельные государства, - в отличие от отдельных индивидуумов, - представляют собой единые правовые образования, которые уже сами по себе обеспечивают публично-правовое состояние – наподобие островов (более или менее гарантированного) правового мира в рамках глобального естественного состояния.

Процесс достижения этой цели, который автор раскрывает шаг за шагом, свободен от принуждения; движение по этому пути происходит по реально продуманным этапам. Этот путь следует представить себе прежде всего как чередование каждых по себе субсидиарных и, таким образом, временных и переходных состояний международного права. Окончательное преодоление этого состояния посредством достижения всемирно-гражданского состояния как цели привело бы к окончательному превращению всего международного права в международное государственное право в соответствии с идеей всеобщего государства народов. Исходной точкой такого пути должна являться международно-правовая самостоятельность, т. е. внешний суверенитет государств; свобода государства определяет точное направление и (однако, длительность) этого пути. В этой связи автор подробно останавливается на разнообразных формах федераций государств, которые необходимо будет создать на пути к всемирному государству.

III. Всемирно-гражданское право

До тех пор, пока не будет создана всемирная республика и международное право ещё не превратится в глобальное государственное право, будет необходимым публично-правовое регулирование последнего незаконного по своей природе и, тем самым, принципиально немирного пространства посредством растяжения понятия права человеческой сущности за пределы сфер, установленных в правовом порядке

государственным или же международным правом. Если представить себе людей и государства в общем и целом как свободные звенья охватывающего всю планету всеобщего государства людей, т. е. в качестве всемирных граждан, то в соответствии с идеей права их возможные взаимоотношения ограничены условиями их совместимости со всеобщим законодательством свободы. Характерной чертой права всемирного гражданства ни в коей мере не является позитивное предназначение как, например, взаимное право посещения, а, наоборот, негативное предназначение быть ограниченным именно таковым. В нём находит своё выражение наиболее резкое и недвусмысленное осуждение колониализма и империализма, которое когда-либо имело место в истории политической философии.

D) Две главы, завершающие книгу, посвящены как роли исторической философии в политической мысли Канта и его специфическому политическому реализму, который проявляется в правовом рационализме Канта, так и соотношению морали и резона в политике.